



*Посвящается Робину*



*Каким-то образом я всегда знал, что я другой.  
Прошло некоторое время, прежде чем я выяснил,  
НАСКОЛЬКО другой. Быть оборотнем, в общем-  
то, здорово. Только обличье, увы, не выбирают...  
А я животное, от которого почти все с криком  
шарахаются. И как мне с этим справляться,  
скажите на милость? Может, хотя бы в этой  
странной школе всё будет иначе —  
в средней школе «Голубой риф».  
Но, пожалуй, лучше начну с самого начала...*





## Караул, акула!



**К**огда плещешься в море, меньше всего хочется услышать возглас «Караул, акула!». Особенно если это как-то связано с тобой.

Барахтаясь на одном месте, я выплюнул мундштук нырятельной трубки и обратился к другу:

— Слышал? Где-то там акула. Надо выбираться из воды!

— Тьяго... что... ты... — прохрипел Ландо и отпрянул от меня. В очках для плавания его глаза выглядели так, будто вот-вот вылезут из орбит.

— Ну так что? — не отставал я.

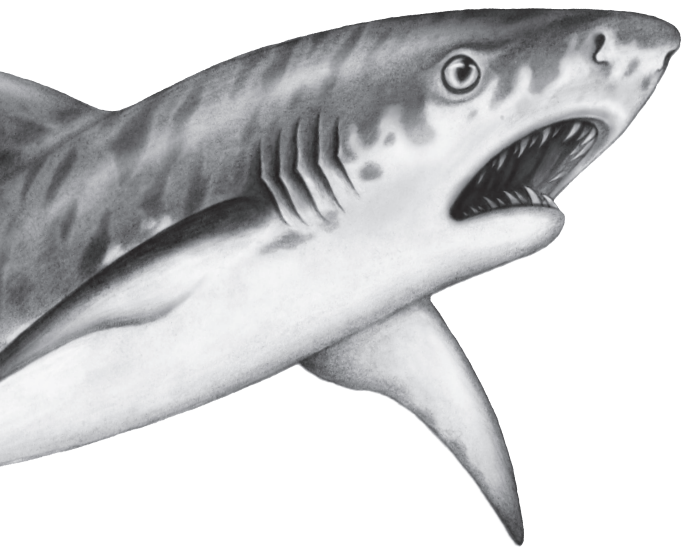
Но меня уже никто не слушал. Мой друг во весь дух припустил к берегу — к светло-жёлтому песчаному пляжу Майами. Я с удивлением наблюдал, как Ландо из пухлого увальня загадочным образом превратился в олимпийского чемпиона по плаванию. Надо не отставать.

Загребая ластами, я поплыл за ним. Чёрт, все люди на пляже пялятся в нашу сторону! Неужели акула где-то рядом?! Я нервно огляделся, но не увидел ничего, кроме прозрачной воды, светлого песка и мятой пластиковой бутылки на дне.

Вообще-то вылезать на берег мне не хотелось. Мне было так хорошо, хотя у меня якобы аллергия на морскую воду. С другой стороны, моя кожа отчего-то посерела — это явно ненормально, если ты, конечно, не слон. Продолжая плыть, я обеспокоенно разглядывал свою руку.

Потом у меня вдруг зачесалась спина. Не останавливаясь, наполовину погрузившись под воду, я потянулся за спину, чтобы почесаться. И страшно перепугался, нащупав что-то твёрдое, чему там явно не место! Это что, *плавник?! О боже!* Мне его что, этот придурочный приятель приклеил?! Но я бы заметил! Я инстинктивно перевернулся, чтобы эта штука, чем бы она ни была, оказалась внизу, и поплыл дальше на спине.

Наконец я добрался до мелководья и сел в прибое, омываемый небольшими волнами. Кроме меня, в море больше никого не осталось. На пляже сутились люди, всё ещё взволнованные, хотя акула, судя по всему, уже скрылась из виду.



Я отважился вылезти из воды, только когда почувствовал, что спина снова вернулась в нормальное состояние. Странный плавник бесследно исчез — я не смог его нащупать.

Неуверенно озираясь по сторонам, я шагал с ластами под мышкой по нагретому солнцем песку, но Ландо так нигде и не обнаружил. Зато на меня подозрительно уставилась пожилая пара в соломенных шляпах и пёстрых купальных костюмах. Наверное, туристы из многочисленных отелей вокруг пляжа. Несколько молодых людей обсуждали, что это была за хищная рыба, а маленькая девочка с наполовину растаявшим мороженым в руке указала на меня пальцем:

— Это он! Акула!

— Не говори ерунды, Белинда, — одёрнула девочку мама.

Малышка заревела, как сирена. К счастью, не из-за меня, а потому, что половина мороженого упала на песок.

Я быстро прошёл мимо, подобрал с песка свои шмотки и в мокрых плавках поспешил к парковке. Надо валить отсюда!

На парковке меня ожидало ещё одно потрясение: шикарная красная «Тойота», которую Ландо «позаимствовал» у брата, исчезла. Расстроенный и злой, я бросил ласты на асфальт и сунул руки в карманы шортов. Он и правда меня бросил! Я чуть не разревелся. Ещё друг называется. Хотя, в общем-то, никакой он мне не друг — мы просто вместе оттягивались. Временами я даже не уверен,



что он мне симпатичен. Особенно когда он начинает разглагольствовать, что хочет разбогатеть — как его брат, который за большие деньги продаёт всё, что запрещено и умещается в карман.

На самом деле его, конечно, зовут не Ландо, но истинный фанат «Звёздных войн», способный наизусть процитировать некоторые диалоги, обычным именем, разумеется, не удовольствуется. Он и мне пытался дать прозвище — среди прочего Голубоглазый, Тигра, Арти и Чуи, но ни одна из этих кличек ко мне не пристала. Хотя глаза у меня необычного голубого цвета, Голубоглазый — слишком дурацкое прозвище, чтобы прижиться. На Тигру и Арти я просто не отзывался, а для Чуи я гривой не вышел, так что Ландо вскоре сам перестал меня так называть.

По мобильнику я, конечно, до Ландо тоже не дозвонился. Чёрт! Оставался лишь один человек, который может меня спасти, — иначе я окажусь здесь, в Майами-Бич<sup>1</sup>, в буквальном смысле на мели.

Набирая номер дяди Джонни, я чувствовал себя очень неловко. Он запретил мне заходить в море, поэтому я прогулял послеобеденные уроки и тайком поехал с Ландо на пляж — чтобы больше не быть единственным придурком, который, живя во Флориде, ещё ни разу не был на море. А теперь приходится просить дядю Джонни меня забрать. Зашибись. Что мне за это светит? Две недели домашнего ареста? Лишить меня карманных денег он

---

<sup>1</sup> М а й а м и - Б и ч — курортный город в штате Флорида (США), пригород Майами. (*Здесь и далее прим. пер.*)

не сможет: я их и так не получаю — нам это не по средствам.

Через полчаса дядин синий старенький «Шевроле» свернул на парковку и затормозил передо мной. Я смущённо открыл дверцу, сел на продавленное пассажирское сиденье и стал ждать. Дядю Джонни нелегко вывести из себя, но когда он по-настоящему разозлится, то вполне может сравниться с ураганом, извержением вулкана или цунами.

Дядя был в одной из своих просторных клетчатых рубашек и выцветшей голубой кепке «Диснейорлд»<sup>1</sup>. Не то чтобы он очень любил «Диснейорлд» — просто эту кепку забыл кто-то из посетителей мотеля, где он работал, и она была не такой поношенной, как его старая бейсболка. От него, как обычно, пахло его любимой жвачкой с корицей. Когда я пристегнулся, он повернул ко мне своё бульдожье лицо — и я немного расслабился. Не похоже, чтобы он злился... Казалось, будто на душе у него двадцать набитых до отказа грузовиков.

— Значит, ты был в море, — начал он. — Всё прошло... нормально?

— Так себе, — уклончиво ответил я.

— «Так себе» — значит «нет»? — проворчал он.

— Э-э-э... Я, наверное, как-то странно выглядел.

Потому Ландо и сбежал.

— Нам надо поговорить, Тьяго, — сказал дядя.

Я скривился — со стороны, наверное, это выглядело так, будто уголки рта у меня свело судорогой.

---

<sup>1</sup> «Д и с н е й о р л д» — крупнейший в мире развлекательный комплекс, расположенный в штате Флорида, США.

Когда воспитатели такое говорят, они редко хотят обсудить, что подарить тебе на день рождения или в какую пиццерию пойти. Хотя вообще-то очень кстати, что он хочет поговорить, — я тоже этого хотел! Недавнее происшествие никак не шло у меня из головы. Похоже, дядя Джонни что-то знает, но до сих пор от меня скрывал!

Мы молча поднялись по деревянной лестнице на второй этаж светло-коричневого здания, где снимали квартиру. Несколько минут спустя мы вместе сидели за кухонной стойкой, за которой обычно ели. Я разглядывал невероятно захватывающий узор на пластмассовой поверхности, надеясь, что всё это скоро закончится.

— В первую очередь я хотел сказать, что мне жаль, — сказал дядя Джонни. — Ужасно жаль. — Разговор начинался совсем не так, как я ожидал. Но это даже неплохо. Дядя продолжил: — Вообще-то я не из тех, кто обманывает людей. Но с тобой нельзя было иначе.

— Что-что? — переспросил я. — Меня приходится обманывать? Это ещё почему?

Дядя Джонни так тяжело вздохнул, что его огромное пузо заколыхалось.

— На самом деле я не твой дядя, — объяснил он. Ну, это не новость.

— Да, я знаю. На самом деле ты моя тётя, — сказал я. Меня всегда немного раздражало, когда гости недоумённо пялились на фотографии, где я был с тётей Дженни — как две капли воды похожей на моего нынешнего дядю Джонни, если не

считать длинных волос и бюста. Что такого, если кому-то больше нравится быть мужчиной?

— Я не это имел в виду, — сказал дядя Джонни, прежде чем я успел погрузиться в размышления, куда, собственно, подевался бюст тёти Дженни. — Мы вообще не родственники.

— Чего?! — Ничего умнее мне в голову не пришло.

— Я друг... ну, скорее знакомый... твоих родителей. Четырнадцать лет назад они... э-э-э... оставили тебя со мной и уехали.

— А потом погибли в аварии, — добавил я, гадая, к чему же он клонит.

— Нет, не погибли, — возразил дядя, нервно скомкал обёртку от жвачки и расправил плечи. — К счастью. Это одна из тех вещей, относительно которых я тебя обманул. Они ещё живы и, вероятно, сейчас за границей: они постоянно в разъездах.

Он своего добился. На этот раз я потерял дар речи. Наверное, мне следовало обрадоваться, что родители живы, но как-то не получалось.

— Пойми... Акулы не слишком привязаны к потомству, — продолжил мой не дядя.

— Акулы? — Разговор принимал всё более странный оборот. Может, после несчастного случая во время купания я впал в кому и всё это покажется мне страшно забавным, если не забуду об этом после пробуждения.

— Твоя мать во втором обличье — синяя акула, отец — тигровая акула.

Я засмеялся. Уж слишком странно это прозвучало. Но потом вспомнил, что произошло на пляже